

Петросу

Ты — причина, по которой существует эта книга,
эта сказка о вине и невинности.

«Почему ведьма злится на Гензеля и Гретель?»

Вот вопрос.

Ответ — здесь.

Может быть.

Доверься своему сердцу.

Все не так,
как кажется на первый взгляд.

ЭрOLOG

Я опаздываю. И знаю это.

Земля будто летит под ногами. Я почти не касаюсь ее, даже не замечая своих шагов. *Вперед* — это все, о чем я могу думать. *Вперед*. Ноги несут меня быстро, но этого недостаточно.

Вернись, проносится в моей голове, *ты не хочешь этого видеть*.

Но я должна. У меня нет выбора.

Такова любовь. Она притягивает, она связывает меня, и я не могу не мчаться навстречу ужасу. Я знаю, что меня ждет, и все же не могу перестать надеяться.

Пожалуйста, пожалуйста, пощади ее!

Я стискиваю зубы, сдерживаю сдавленный крик. Вот только слезы я никак не могу остановить.

Ты хотела любить. А любить — значит страдать. Неужели ты так до сих пор и не поняла этого?

Нет! Я закрываю глаза и позволяю ногам нести меня по лугам. И все, что я вижу — это ее лицо, и она горит во мне. Все горит. Только не она!

Она — человек. Ничтожный.

Она — это все.

Королева во мне смеется, но ее смех едва слышен, и я чувствую, что она тоже страдает.

Любовь, с издевкой произносит она, а потом замолкает. Потому что я стою на склоне холма и смотрю вниз, на долину. Я смотрю на смерть.

Я потеряла ее.

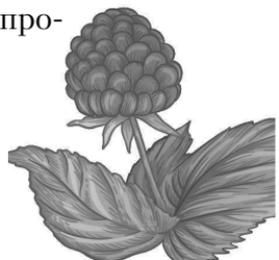

Розовая клумба

Давным-давно... Так начинаются многие сказки. Так начиналась и моя жизнь. Она действительно могла бы стать сказкой, но это было очень, очень давно. Настолько давно, что те годы превратились в пыль, в осколки самозабвенного времени. Теперь я уже и не вспомню, когда началось мое первое *давным-давно*.

Я дышу. Я живу. Во второй раз.

Задыхаясь, я пытаюсь наполнить легкие сладким воздухом с привкусом обреченности, пока мое сердце бешено колотится с яростной, вновь пробудившейся энергией, и чувствую, что все изменилось, но никак не пойму, что именно. Мои губы вспухли, на них ощущается легкое покалывание, будто бы после нежного поцелуя. Я цепляюсь руками за жесткие про-

стыни, чувствуя, как грубая ткань под моими пальцами рассыпается в пыль.

Я распахиваю глаза и по-прежнему ничего не вижу. Но чувствую, что рядом со мной кто-то есть. Я слышу дыхание, слышу, как нервно подрагивают чьи-то ресницы. Я ощущаю запах пота, а с ним — страх, возбуждение и истощение.

Чьи-то руки прикасаются ко мне. Снова что-то рассыпается. С ужасом понимаю, что это что-то — мое платье. Я сжимаю пальцы в кулак, ожидая тепла магии, — но рука остается пустой.

Кровать проседает под тяжестью незнакомца. Я разжимаю руку и снова взываю к своей силе — ничего не происходит. Только пальцы снова и снова касаются меня, разжигая мое замешательство и гнев.

— Проклятье.

Тишина.

А потом:

— О боже, она проснулась!

И снова, громче:

— Она проснулась!

Гулкие шаги. Распахнувшаяся дверь. Свежий воздух.

— Что ты сказал? Проснулась? Ты что там делаешь?

— Я думал, ну лежит она и лежит... Думал, это никому не помешает...

— Ты поцеловал ее?

— Нет... ну, то есть да...

Меч с шипением вырывается из ножен. Я знаю этот звук. Моргаю, борясь со слепящим светом, с ощущением бессилия. Медленно, очень медленно мое тело начинает обретать силу. Спала я, должно быть, долго. Даже слишком. И здесь что-то не так. Совсем не так.

— Почему она голая?

— Я... ну, я... я просто...

— Что ты сделал?

— Клянусь проклятием ледяной ведьмы! Я только хотел разок прикоснуться к ней. Но платье... это платье... оно просто рассыпалось!!! — Его слова режут мне слух так, что болят уши.

— Ты разбудил Спящую. Я же велел не трогать ее!

— Я думал... то есть...

— Как долго? — прерываю я спор. Мой голос нежен, словно голос новорожденного эль-

фа, и совсем не похож на голос дряхлой старухи, которой я так боюсь оказаться.

— Как долго? — повторяю я свой вопрос и наконец начинаю различать тени. Расплывчатые очертания четырех-пяти фигур. *Люди*. То, что вокруг все еще есть люди — это хороший знак. Значит, мир еще не перевернулся с ног на голову.

— Как долго что? — спрашивает мужчина с невыносимым голосом. Светлые волосы, светлая кожа.

— Как долго я спала? — спрашиваю я.

Молчание.

И пока это молчание продолжается, я вспоминаю последние мгновения перед тем, как магия возымела свое действие.

И тогда я постигаю ужасную истину: они обманули меня!

Холодная, как лед, ненависть разгорается во мне, обжигая вены. Я поднимаю руку и поворачиваю ладонь. Отметина на запястье черна, как никогда.

Лживый символ!

— Она — ведьма, — бурчит второй. Блондин взвизгивает и пятится. Вновь слышится шипение мечей. Одно из лезвий касается моей шеи:

холодное и острое. Наконец мое зрение проясняется, я избавляюсь от мыслей о прошлом. Я перевожу взгляд со смертоносной стали, что покоится у моей шеи, в черные глаза темноволосого мужчины.

— Наша Спящая Красавица — ведьма, — бормочет он, приподнимая мой подбородок острием своего меча.

Мужчин в комнате пятеро. Трое из них кажутся солдатами королевства, герб которого мне неизвестен: золотая змея извивается на голубом фоне. Блондин — дворянин, возможно, принц. Если, конечно, принцы и королевства еще существуют.

Однако пятый — и последний из мужчин — для меня загадка. Он другой — и даже пахнет иначе.

— Что вы такое? — спрашиваю я.

Он склоняет голову, будто удивляясь. А глаза сужаются.

— Быть не может. Ведьма? — гнусаво тянет блондин, выглядывая из-за спин перепуганных солдат. Его глаза слезятся. В них — ни блеска, ни даже намека на глубину.

— На ней — клеймо, — отвечает темноволосый.

— Но она не похожа на ведьму! — упорно настаивает принц. — Ну, то есть она ведь такая очаровательная. Прекрасная, милая, идеальная!

— Ледяная ведьма тоже красива, — шепчет один из солдат.

— И Отравительница, — вставляет второй.

— Это знак тринадцати ведьм, — темноволосяй мужчина внимательно рассматривает меня. — Но до сих пор их было всего двенадцать.

Двенадцать. Значит, они живы.

— Тринадцать, и так было всегда, — говорю я тихо, игнорируя торопливые молитвы остальных четверых мужчин, произносимые заикающимся шепотом. Мне не нужно на них смотреть, чтобы воспринимать это. Я слышу, как тревожно их сердца трепещут от страха, как прерывисто шипят легкие, наполняя тела кислородом. Все это смутно доходит до моего сознания. Никакой магии, восприятие ослабло. Годы берут свое.

— Кто разрушил проклятие? — спрашиваю я, чувствуя, как мое собственное сердце начинает биться. Юноша рядом со мной приподнимает бровь. Его короткие волосы отливают

черным: они похожи на ночное небо. Может, он?..

Юноша впивается в меня взглядом. Его взгляд ищет ответ. Но, кажется, не находит.

— Наш принц, — отвечает он.

Медленно, очень медленно до меня доходит смысл его слов. Белокурый принц — вот кто поцеловал меня! Мой взгляд блуждает по сторонам, находит его. Он — бледнеет.

— Ты! — шиплю я, испытывая горькое разочарование. Принц трусливо прячется за солдатами и их мечами. Лживость и эгоизм окружают его тлеющим зловонием. И этот человек возродил меня поцелуем? Так это он — мой единственный? Моя настоящая любовь?..

— Я... я думал, что вы — принцесса, — обиженно упрекает он меня.

— И что теперь будет с вашей ведьмой? — спрашивает темноволосый. — Вы разбудили ее — теперь она ваша.

Ведьмой?

Звучит как оскорбление. Обладай я своей потомственной силой, его приговор был бы уже решен: смерть. Будь у меня моя магия, от них бы уже ничего не осталось. Я бы уничто-

жила их всех, излила бы на них всю свою тоску и... свое разочарование.

Может, я заслуживаю такого эгоистичного человека, как принц? — внезапно думаю я, чувствуя себя совершенно измученной. Не это ли люди называют совестью? Момент осознания собственных ошибок?

— Охотник на ведьм — вы, а не я, — огрызается принц. — Меня отец послал только доложить о башне. А не за тем, чтобы убивать ведьм, а тем более — приводить их домой.

— Охотник на ведьм? — Я удивленно поднимаю брови и разглядываю юношу. Он выглядит сильным, взгляд настороже. Шрам на полщеки. И даже когда я смотрю на него, уголок его губ насмешливо кривится. Охотники на ведьм! Надо же, в мое время такого не было.

Кажется, он почти не чувствует тяжести арбалета на своем плече, за поясом виднеется пара кинжалов. Меч в руке юноши лежит спокойно: никаких колебаний, как у его солдат. Нет, меня он не боится. Напротив: он убьет меня, не колеблясь ни секунды. И все же не делает этого. Почему?

— Тринадцатая ведьма, — слышу я его бормотание.

Время, прошло так много времени. Отголо-ски заклинаний, которые когда-то окружали это место, до сих пор витают в воздухе. Я слышу, как мои сестры произносят свои заклина-ния, чтобы предать меня, спрятанную посреди леса, вечному сну. Но их проклятия сняты, заклинания, скрывавшие меня от всего мира, улетучились. Они забыли их обновить? Забы-ли... меня?

Эта ошибка дорого им обойдется, потому что теперь я свободна.

— И что нам с ней делать? — восклицает принц. — Она ведьма, клянусь драконовым огнем! Одна из тринадцати! — Беспомощ-ность на его лице сменяется то страхом, то гневом. — Меня не волнует, о чем там толкует магический закон. Эта ведьма никогда не ста-нет моей настоящей любовью! Зачем я только поцеловал ее!

— Да, зачем? — шиплю я, понимая, что все пошло не так. Я смотрю на принца, избавивше-го меня от чар, и не испытываю ничего, кроме презрения.

Он ахает, и страх вспыхивает в нем, как сверкающий на солнце меч.

— Убейте ее! — визжит он. — Немедленно!

Оружие на моей шее едва заметно дергается — но я все еще дышу, я жива. Охотник на ведьм застыл. Я тут же понимаю, что вопрос жизни и смерти решает не принц, а он. Но я слишком долго находилась у власти, чтобы теперь подчиниться. Я не буду ни перед кем пресмыкаться!

Я быстро осмысливаю ситуацию. Башня, башню я помню точно. Я нахожусь в башне. В своей собственной воздушной могиле: некогда шелковые занавески ныне обшарпанной кровати с балдахином, разбитые оконные стекла, вьющиеся розы с их невыносимым ароматом, наводящим на мысли о разлагающихся телах.

За спиной принца — словно мрачное предзнаменование — зияет дверь. По лестнице — и вниз, на свободу, вниз, в Лес Призраков — или как он там сейчас называется.

Одним очень ловким и точным движением я отбрасываю от себя меч охотника на ведьм и проскальзываю мимо него. Рот принца разевается в беззвучном крике. Солдаты бросаются врассыпную. Упавший меч звенит на холодных каменных плитах. Я уже у двери, когда меня настигает удар в бок. Я быстра почти так же,

как была когда-то, но охотнику на ведьм удастся схватить меня за косу. Он резко дергает за нее, и я приземляюсь спиной прямо на холодную плитку. От удара перехватывает дыхание. Охотник на ведьм тянет меня назад. Я извиваюсь, хочу ударить его ногой. Но он уворачивается, и его кулак касается моего виска. Боль взрывается в моей голове, перед глазами пляшут черные точки, и мое сопротивление гаснет.

Он ударил меня.

Человек.

Меня!

— Что ты такое? — рычит охотник на ведьм, поднимает меня и прижимает к стене. У меня перехватывает дыхание. *Его запах. Мне нравится, как он пахнет.* Не в силах освободиться, я смотрю в его мрачное лицо. Он не просто силен. Он быстр. Гораздо быстрее, чем ожидалось. Да, мир изменился. Люди уже не те жертвы, какими были когда-то.

— Охотник на ведьм, — с усмешкой шепчу я. Его глаза светятся. Я знаю этот взгляд. Должно быть, я красива, столь же красива, как и в первой своей жизни, так красива, что даже ему трудно противостоять моим чарам. Кожа

белая, как снег, волосы черные, как эбеновое дерево, а губы красные, как кровь.

Идеальные люди — дети-феи — сегодняшние ведьмы.

— Ты носишь знак, — говорит он, касаясь пальцами черного пятна на моем запястье. — Но у тебя нет силы. Ты не такая, как они. Кто же ты?

Я сжимаю руку, разжимаю пальцы, один за другим. Я зову ее, всеми фибрами души. Я призываю свою магию.

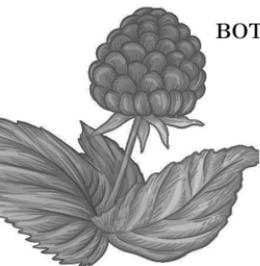
Охотник на ведьм напрягает свои мышцы. Острое лезвие кинжала прижимается к пульсирующей жилке на моей шее.

— Какая-то странная ты ведьма, — бормочет он, когда ничего не происходит.

— Ведьмы, — шиплю я, с трудом подавляя слезы. — Раньше нас называли феями.

— Называй себя как хочешь. — Кинжал вонзается в кожу.

Я почти не чувствую боли. Боль всегда была частью моей жизни, поэтому я не знаю, каково это — без нее. Только запах крови глубоко проникает в мое сознание, и я понимаю, что он вот-вот решится на мою смерть.

— Ты охотишься за нами, феями? — задыхаясь, шепчу я. Я не должна сомневаться, не должна поддаваться незнакомому страху, который растет в моем животе и грозит парализовать конечности. Моя сила вернется, а вместе с ней — и моя магия. — Не убивай ту единственную, которая может помочь тебе их найти.

Рот охотника на ведьм кривится в насмешливой усмешке, но клинок замирает. Он слушает.

— С чего ты взяла, что мне нужна твоя помощь?

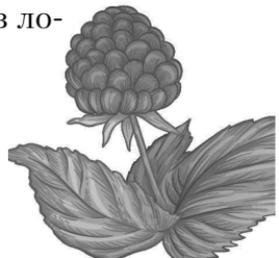
— А разве нет? — парирую я.

Его темный взгляд перемещается с моих губ к горлу.

— Нет. — Но при этом мужчина колеблется.

— Уверен? — спрашиваю я, пытаюсь не обращать внимания на равномерное биение его сердца. Он меня не боится. Магия питается страхом. Кто он такой? — Я могу оказаться полезной, — выдавливаю я из себя. — Я знаю о них такое, чего не знает никто другой. Их слабые места, их прошлое.

— Заканчивай, охотник на ведьм, — нетерпеливо призывает принц. Теперь, когда я в ло-

вухе, он осмеливается выступать. Охотник на ведьм молчит, задумчиво разглядывая меня. — Не слушайте ее слов. Она — чертова проклятая ведьма. А, да знаете что? Забирайте ее себе. Я отдаю ее вам за то, что вы провели нас через живую изгородь. Считайте это своей наградой. — И добавляет, обращаясь к солдатам: — Если поторопимся, то успеем выбраться из этого проклятого леса до восхода солнца. Отец будет рад услышать о башне и тайне, которую она скрывала. Ведьма, одна из Тринадцати — теперь он должен назначить меня своим наследником! — Он хлопает в ладоши. — Вперед, вперед! По коням!

Солдаты несутся к лестнице. Стараются покинуть мою затхлую могилу как можно скорее. Их шаги эхом отражаются от стен. Принц подходит к двери последним. Его взгляд падает на мои губы, рот кривится, будто я ему противна, но я вижу его похоть. Страх и желание — опасная смесь.

— Поторопитесь, если хотите поехать с нами: мы не будем ждать! — Он направляется за солдатами. И принц, разбудивший меня, бесследно исчезает из моей жизни.

Мы одни. Я и человек, который охотится за моими сестрами. Я смотрю в его глаза и с удивлением понимаю, что они не черные, а зеленые, как густые хвойные леса.

— Что я только тут с тобой делаю? — бормочет он.

— А что бы ты хотел со мной сделать? — шепчу я в ответ.

Это — приглашение, обещание. Самая простая и древняя ловушка в мире, но такая эффективная.

Мужчина замолкает, его глаза расширяются, а потом охотник на ведьм оглушительно хохочет.

— Да уж, положение у тебя незавидное. — Он медленно приближается, не сводя взгляда с моих губ, а потом смотрит на меня своими таинственными глазами. Мое сердцебиение учащается, дыхание прерывается. *Что со мной такое?* Я чувствую его дыхание, тепло его кожи и чувствую себя бесконечно уязвимой. — Даже если бы ты была последней женщиной на земле... — грубо шепчет он, хватая мои волосы и откидывая голову назад. — Твои колдовские чары на меня не действуют.

— Не действуют? — сдавленно шепчу я.

— Нет, — просто говорит он. — Я совсем не нахожу тебя привлекательной.

— Ты лжешь.

Он смеется и так же внезапно, как приблизился ко мне, отступает снова, отпуская мои руки. Только косу наматывает себе на руку. Как привязь. Демонстрацию своей силы.

— Ты не такая, как другие, — задумчиво говорит он.

Не такая. Я всегда отличалась. Но о моей тайне не знает никто — никто, кроме моих сестер.

— Ты слаба.

— Я была королевой, — говорю я, поворачивая руки ладонями вверх. На них мягко прорисовываются линии. Они должны быть руками старухи — морщинистой и изможденной. Но нет: они мягкие и сильные — это руки королевы былых времен.

Я поднимаю взгляд. Перед нами возвышается самое мощное зеркало в стране. Мое зеркало. Моя страна. Я прижимаюсь к матовому стеклу, и, словно тронутая крыльями феи, мелкая пыль отступает, открывая мой облик. Прямые, черные как смоль волосы обрамляют бледное лицо, красивее которого нельзя и представить.

Темные ресницы, пронзительные глаза, чувственный рот, такой же красный, как и пульсирующий сок жизни. Это лицо королевы. Красивейшее из красивых. Рядом — охотник на ведьм, враждебный и неукротимый. Он пропускает мою косу сквозь пальцы. Касается ее и почти — но только почти — испытывает искушение почувствовать запах моих волос.

— Одевайся, — резко бросает он, и я знаю, что решение принято. Но это всего лишь отсрочка, немного времени.

— Не знаю, во что, — спокойно говорю я. *Как долго...* спрашиваю я себя. Как долго удерживало меня проклятие? Проклятие смертельного сна.

Охотник на ведьм распахивает шкаф. На один короткий миг десятки платьев вспыхивают всеми цветами радуги. Великолепные драгоценности, вуали, расшитые золотом. Но блеск тускнеет — как по волшебству. И медленно, словно оттягивая момент, они распадаются и с легким шорохом осыпаются на пол. От некогда дорогих одежд не остается ничего, кроме кучки пыли.

— Что это за колдовство? — рычит он, дергая меня за косу.

— Никакого колдовства, — просто объясняю я. — Просто дань времени.

Он фыркает.

— Я не верю ни единому твоему слову. Хочешь ходить голой? Давай, мне наплевать. — Не раздумывая, он устремляется к выходу. Его шаг тверд и решителен. Он не убьет меня, пока нет.

Я слеую за врагом моих сестер вниз по ступенькам. С каждым шагом запах затхлой, воняющей трупами могилы слабеет. Я сбегую из своей тюрьмы. Я готова, более чем готова начать свою вторую жизнь.

Моя месть будет ужасной.

*В*озвращение королевы

И жили они долго и счастливо.

Так заканчиваются сказки, только это не конец, а вечное продолжение. Благословение, и в то же время — проклятие. Такой финал нам, детям фей, подходит лучше, чем кому бы то ни было. Мы — избранные, мы — могущественные. Наши жизни кажутся бесконечными, наши истории — фантастическими. Они наполняют книги, детские мечты — и их кошмары. Нам никогда не было суждено быть добрыми, по крайней мере, большинству из нас. Ведьмы — так нас называют сегодня. Ужасу нужно имя, чтобы избавиться от страха. И выследить его.

Я бегу по мягкой лесной почве, наслаждаясь ощущением босых ног на траве, хвое и мху.

Эти ощущения подсказывают мне, насколько я жива. Я слеую за охотником на ведьм, который едет на лошади, мои руки связаны у живота. Он держит мою косу. Я его пленница. Неужели я — первая? Или одна из моих сестер уже бежала однажды за ним так, как я?

Могучие — такими мы были очень давно.

Копыта лошади бесшумно ступают по густому мху — бесшумно для человеческих ушей. Меня охватывает фейерверк чувств: приглушенное жужжание бесчисленных крыльев эльфов, которые перелетают с лепестка на лепесток редких лунных цветов, потягивая драгоценный серебристый нектар. Я слышу, как колдуны ругаются в своих пещерах, освещенных светлячками, глубоко под нами, в лоне земли. Слышу неистовый шепот деревьев, распространяющих страшную весть о моем возвращении, которая несется к зеленым холмам, густым лесам, рекам и озерам. Это Пандора — моя родина.

Мне на плечо приземляется крошечная эльфийка. Ее золотистое лицо сияет. Она шепчет мое имя.

— Да, — тихо говорю я, испытывая странную радость от того, что она не забыла меня. — Да, я вернулась.

Ее смех звенит в моих ушах. Она зовет других эльфов, они порхают, кружат вокруг меня. Их крылья сияют, за ними танцует рой сверкающих искр. Лунный свет отражается в их глазах даже днем.

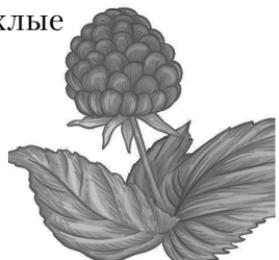
«Добро пожаловать!» — вздыхают они в унисон.

Одна, хихикая, прыгает мне на голову, две по толстой длинной косе скатываются к охотнику за ведьмами. Юноша зажмуривает глаза.

— Исчезните, — рычит он.

Хихикая, они бросаются прочь, большинство из них. Радостно машут мне на прощание. Толька эльфийка на какое-то время остается сидеть на моем плече, напевая знакомую песенку. Что-то проходит, а что-то — остается. Они никогда меня не боялись. Никогда раньше. Она трется своим маленьким носиком о мою щеку, а потом тоже исчезает между стволами древних деревьев и остается позади нас.

С каждым метром, на который увеличивается расстояние между мной и башней, след магии, что так тщательно скрывала ее, исчезает. И вот наконец перед нами встает последняя преграда: огромная мрачная ежевичная изгородь. Перезрелые плоды, пухлые

и черные, тяжелыми каплями свисают с ветвей. В колючих зарослях, кольцом выросших вокруг башни, прорублена тропа. Охотник на ведьм направляет коня вперед. Осторожно следую за ним, стараясь не зацепиться за шипы. В бархатисто мерцающей листве виднеются известково-белые черепа. Живая изгородь красива и смертельна. И вот мы покидаем сладковатый аромат ежевики и попадаем в человеческий лес. Мы преодолели последнее магическое кольцо. Я свободна!

Я вдыхаю аромат влажной листвы, аромат вечного круговорота рождения, жизни и смерти. Но есть и еще кое-что: нечто едва уловимое, подсознательное, нечто, чего не было до того, как меня заточили в башне. Это сильный, резкий запах, пронизывающий и всеобъемлющий.

— Что это? — тихо спрашиваю я.

Мой спутник молчит. И только рывок за косу подтверждает, что он меня услышал. Мы одни. Мой хилый принц, мой избранник — он нас не ждал. Или, скорее, его. Что касается меня, то я, по его расчету, должна остаться оскверненной и заколотой в башне — немая и мертвая, как назойливое насекомое. *И это — любовь?*

Призрачный лес отличается от того, каким я его запомнила. Он темнее и тише. Древние стволы завершаются плотным навесом листвы, сквозь который не проникает ни один солнечный луч. Они танцуют где-то в верхушках крон и слабо мерцают. Зеленый собор. Прибежище мертвых. Но призраки былых времен молчат.

— Где призраки? — спрашиваю я.

— Призраков больше нет.

— Куда они делись?

Он не отвечает. Он мне ничего не должен. Я ничего не жду.

Первым опытом, которому меня научила жизнь, была потеря. Все, что я любила и чем дорожила, было уничтожено. Такова судьба. Он не различает добро и зло, вину и невиновность. Она отнимает, она уничтожает. А для тех, кто избежал судьбы сегодня, очередь настанет завтра: пришло время моих сестер!

— Сколько... — Я колеблюсь, прежде чем произнести это слово — оно кажется мне чужим. — Сколько ведьм еще осталось?

— Слишком много, — следует холодный ответ.

— Ты охотник. Что это значит?

— Я убиваю ведьм.

— И тех, кто в числе Тринадцати?

— Как раз тех.

Я киваю и устремляю взгляд вперед.

— Хорошо. — Вот и все, что я говорю, и говорю я именно то, что думаю.

Чем больше на них будут охотиться, тем скорее ждать их падения.

Наступает ночь. Эльфы прячутся в своих мерцающих дворцах высоко в кронах деревьев. Гномы перестают спорить. Тусклая зелень последних солнечных лучей теряет свою яркость. Холодная тьма надвигается жадным всепоглощающим туманом. Если раньше мое зрение было настолько сильным, что я могла видеть даже в самые темные ночи, то теперь это уже не так. Темнота для меня в новинку.

— Чему ты смеешься? — спрашивает охотник на ведьм.

— Я — как человек, — улыбаюсь я. — Я ничего не вижу.

— А раньше видела? — только и спрашивает он.

— Естественно.

— А другие? Они тоже видят?

Моя радость угасает. Другие.

— Раньше — видели. Тогда мы все могли видеть.

— Ты одна из них, — трезво констатирует он.

— Да, — выдыхаю я и внезапно ощущаю холод. — Мне так холодно. Мурашки пробегают по моему телу. — Я не знаю холода.

— Но ты знаешь боль.

— Да. — Вот и все, что я говорю, когда мы молча продолжаем наш путь через ночной лес. Одинокая сова пересекает наш путь в поисках последних заблудших эльфов. Где-то вдали воет волк. Понятия не имею, как охотник на ведьм находит дорогу. Сама я совершенно ничего не вижу. Я вслепую слеую за ним, плотно прижавшись к теплу его лошади.

Я мерзну. Я дышу. Я не мертва.

Северный ветер

Среди ночи ветер свежеет и несет с собой ледяной холод. Моя кожа покрывается слоем льда. Пальцы немеют. Ноги болят. Мне холодно. Чертовски холодно.

— Это проклятие твоей сестры, — слышу я его голос. — Она позволяет холоду проникать через границы. Но никогда еще она не заходила так далеко.

— Моя сестра? — дрожа, выдыхаю я. Дыхание поднимается в воздух белыми облачками пара.

— Ледяная ведьма, — тихо говорит он. — Снежная королева, Повелительница северных ветров. У нее много имен.

Я пытаюсь ответить, но из моего горла вырывается только стон. Крошечная искорка

начинает плясать перед нами, не больше, чем мерцание звезды. Ее матовое сияние провожает нас сквозь ледяную ночь. Спотыкаясь, плетусь ему навстречу, ноги — две ледяные глыбы.

Это огонь. Он посреди леса, потрескивающий и манящий. Но тепла он не сулит. Ветер несет с собой едва слышное ржание умирающей лошади.

— Там никого нет, — шепчу я так тихо, что он не может меня услышать.

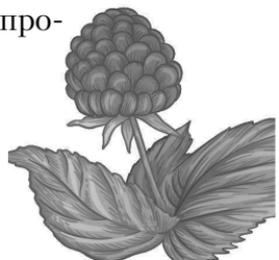
Но он отвечает:

— Никого живого.

Охотник на ведьм выводит лошадь на поляну, усыпанную кристаллами льда, в центре которой огонь бросает вызов суровому ветру. Четыре брошенные лошади тесно жмутся друг к другу в предсмертной агонии. Рядом, свернувшись клубочком, как котята, лежат замерзшие тела всадников. Остекленевшие лица застыли в крике, руки превратились в мерцающие когти.

Принц со своими солдатами.

Королева внутри меня не чувствует сожаления — только холодное удовлетворение. Но что-то другое, что-то человеческое про-

растает внутри: скорбь об упущенном шансе. И я в изумлении касаюсь кончиками пальцев щеки, ловя сверкающую жемчужину. Слеза.

— Это холод, — говорит охотник на ведьм. — Ему поручено убивать. Он служит только одной цели. — Лошадь шарахается, наши тени танцуют на стволах деревьев. — Что ему здесь нужно?

Я пытаюсь сглотнуть, растираю слезу в пальцах. Чуть пошатываюсь. Лед хрустит под моими босыми ногами.

— Она ищет меня.

Тишина, а потом:

— Почему?

— Потому что увидела меня в зеркале, — говорю я с трудом. Резкий пронизывающий ветер невыносим. Холод разъедает мою кожу.

— Вот я, сестра! — шепчу я северному ветру, и тот внезапно набрасывается на нас изо всех сил. — Ты посмела прийти, чтобы убить меня?

— Зачем ей желать твоей смерти? — кричит охотник на ведьм, преодолевая воющий шторм. Лошадь испуганно шарахается в сторону, ледяные кристаллы осыпаются, обрушиваются на нас.

— Потому что я — единственная, — кричу я что есть мочи, кричу, собрав последние оставшиеся силы. — Единственная, кто может уничтожить их всех.

Одним движением он поднимает меня к себе на колени, накидывает спасительно теплый плащ на мои дрожащие плечи и прищипривает коня. Мы летим по зимнему лесу размашистым галопом. Я обхватываю его ногами, прижимаюсь лицом к его теплой груди. Его плащ окутывает меня, его тепло окружает мои ноющие конечности. Мы летим сквозь зловещую ночь, преследуемые воем северной бури. Верное животное несет нас вперед; шкура коня пропитана потом и снегом. Я чувствую мощные движения животного и все же знаю, что конец его близок. Никто не может избежать ледяной магии этого смертельного холода. Даже фея.

— Он тянется ко мне, — шепчу я, задыхаясь. — Он забирает меня.

— Давай! — слышу я рычание охотника на ведьм: он заставляет лошадь сделать последний рывок. Я цепляюсь за грудь юноши. Но его тепло больше не может сдерживать смертоносные когти. Они цепляются за мои икры, за шею. Ледяной огонь обжигает мою плоть.

Я кричу, и мой крик перекликается с ревом северного ветра. Охотник на ведьм натягивает поводья, умирающая лошадь встает на дыбы. Он спрыгивает, несет меня на руках, а животное позади нас съедает холод. Холод пожирает и меня. Я чувствую его зубы, его голод.

— Держись! — кричит он, бросаясь куда-то сквозь снег. — Я сейчас!

Дверь, свет, тепло. Мы влетаем внутрь.

— Закрой дверь! — ревет охотник на ведьм.

Я слышу, как визжит моя сестра. Я слышу ее бессилие, потом тяжелая дверь с грохотом захлопывается, заставляя северный ветер отступить.

Дом Семи

- На улице чертовски холодно.
- Черт возьми, охотник, что ты забыл здесь в такую погоду?
- Пришел купить бриллианты?
- Это была твоя лошадь?
- Кому супа?

Он не отвечает. Его внимание сосредоточено только на мне.

Его взгляд глубокий и бесконечно зеленый. Он кладет руку мне на подбородок, поднимает его. Испытующе смотрит на меня. Видит ли он боль в моих глазах? Зубы у меня стучат, конечности подергиваются. Холод стынет в моих костях, съедает меня. *Он меня пожирает!*

— Это дом моих друзей, мы будем их гостями, пока не утихнет северный ветер.

Я молча киваю. Крик бушует у меня внутри. Но губы остаются плотно сжатыми, не выпускают его наружу. *Никогда не проявлять слабости, никогда не показывать боли.*

Охотник на ведьм колеблется. Потом прижимает кинжал к мои путам и рассекает веревки. Тут же обхватываю руками тело. Ледяная кожа на ледяной коже. Яд холода обжигает.

— Ее магия работает отлично, — шепчу я.

— Подойди поближе к камину! — призывает он, необычайно мягко подталкивая меня к мерцающему сиянию синего пламени. Огонь пляшет, совершенно не впечатленный смертоносным штормом, который бьется о ставни. Охотник на ведьм накидывает мне на плечи свой плащ.

— Северный ветер, — клянет бурю коренастый мужчина с бесчисленными золотыми серьгами и странными узорами на лысой голове. Он маленький, меньше охотника на ведьм и мертвецов в лесу. — Ледяная ведьма — истинная мастерица. Но почему она посылает свой ветер в Семигорье? Кроме нас, здесь никто не живет!

— Что случилось? — спрашивает второй мужчина. Заплетенная борода перевита золо-

тыми лентами. В носу — золотое кольцо. — Корд прав. Ледяная ведьма не действует без причины. У нее есть цель. И это не мы. — Он переводит взгляд с охотника на меня. С трудом мне удастся поднять голову и бросить на него взгляд, прежде чем волна боли уносит меня назад, обратно в беззвучный крик. — Почему Ледяная ведьма гонится за тобой? Охотник превратился в жертву?

— Нет, — ворчит охотник на ведьм.

— Охотиться на Ледяную ведьму было бы более чем глупо, — упрекает Корд, первый мужчина.

— Охотиться на нее невозможно, — соглашается второй.

— Никто никогда не осмеливался на это, и тебе тоже не стоит совать руки в это дело! — вопит третий.

— Однажды эта охота на ведьм сведет тебя в могилу, — говорит четвертый.

Семь сердец рядом с сердцем охотника на ведьм. *Семь*, магическое число. Оно дает защиту от проклятий, даже таких могущественных, как у Ледяной ведьмы.

— Кто она такая? — спрашивает Корд, указывая на меня.

Охотник молчит. Он откладывает оружие и садится на один из семи золотых стульев. Семеро постоянных жителей, гости — допускаются. Но горе им, если они останутся на слишком долгое время — одной только мысли о постоянном присутствии достаточно, чтобы разрушить защиту. Это закон магии. Я написала его сама. Я была его создателем.

Я создала его однажды, когда пребывала в хорошем настроении.

Охотник на ведьм — он не знает, кто я такая. Он не знает, кем я была, и тем не менее — спасает меня.

Семь пар глаз внимательно смотрят на меня. Я нахожу защиту у тех, кого когда-то пыталась защитить от себя. Так много домов, так много семей, отчаянно пытающихся соблюдать закон Семи.

Столько жертв.

С каких это пор я испытываю угрызения совести?

Я плотнее заворачиваю в плащ свое одеревеневшее тело и, окутанная запахом охотника, отпускаю мысли о прошлом. Мне, быть может, и кажется, что это было только вчера. Но все

осталось далеко, очень далеко позади. Пандоры, которую я знаю, больше не существует.

Огонь в печи поет свою трескучую песню. Я протягиваю свою одеревеневшую руку, пытаюсь ухватить тепло. Но не чувствую ничего, кроме боли. Она распространяется. Она неудержимо растет.

— Суп? — спрашивает мужчина. Он приветливо улыбается мне ртом позолоченных зубов. — Меня зовут Питер, я повар. Мой суп из кореньев — лучший в этом лесу. Я приправляю его порошком золотой стружки. Только никому не рассказывай! — хихикает он, сверкая зубами.

— Нет, — шепчу я, едва в силах пошевелиться.

— Тебе уже становится теплее? — нерешительно спрашивает Питер.

Я вяло качаю головой. Черные звезды пляшут перед моими глазами. Очертания повара расплываются в кашеобразную массу. Странно. Так ощущается смерть? Настоящая смерть?

— Дай-ка гляну, — слышу я голос Питера и чувствую, как он хватается мою руку.

И кричит:

— Она ледяная!

